



— культуролог, кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры международного права Российского государственного университета правосудия (Москва).

**БУНИН В ЖИЗНИ  
РАХМАНИНОВА  
«И РОССИЯ ОДНА НА ДВОИХ...»**

Иван Бунин и Сергей Рахманинов — люди выдающиеся, истинные таланты. Один в области литературы другой — в сфере музыки. Бунин не писал музыки, но ставил ее высоко, считая сильным, чувственным искусством.

Они оба любили подлинную поэзию, были проникнуты трепетом перед божественным. Это была одна из тех встреч, о которых так отраднo было вспоминать в старости Бунину, когда уже не стало того, чья музыка звучит и будет вечно звучать в концертных залах мира.

Рахманинов страстно любил поэзию и однажды даже написал белые стихи:

*Что такое музыка?!  
Это тихая лунная ночь;  
Это шелест живых листьев;  
Это отдаленный вечерний звон;  
Это то, что рождается от сердца  
и идет к сердцу;  
Это любовь!  
Сестра музыки это поэзия,  
а мать ее — грусть!*

Только человек, тонко чувствующий поэзию, мог написать так о музыке. Может, эта любовь к поэзии и явилась тем объединяющим началом, которое сблизило этих двух великих русских художников.

Переплетение судеб поэта и композитора, отражение их дружбы в твор-

честве, взаимопроникновение поэзии и музыки — тема удивительная и воистину неисчерпаемая.

Еще до личной встречи Иван Бунин со свойственной ему прозорливостью оценил дарование Рахманинова еще в то время, когда имя его не было широко известно. Бунин, несомненно, умел чувствовать и сразу оценивать талант. В 1950 году в Париже, на скло- не лет, в своих воспоминаниях Бунин запишет о первой встрече с Сергеем Васильевичем Рахманиновым в Ялте. Слава Рахманинова уже в то время в России была велика, но еще не было той всемирной известности композитора и первого пианиста мира, которая пришла к нему спустя годы, когда Бунин называл его своим высоким другом. Оба были еще молоды; в Рахманинове еще не было большой сдержанности, они ушли от большого общества на набережную...

«В ту ночь мы как-то внезапно сблизились чуть не с первых слов, которыми обменялись в большом обществе, собравшемся, уже не помню почему, на веселый ужин в лучшей ялтинской гостинице “Россия”. Мы за ужином сидели рядом, пили шампанское Абрау-Дюрсо, потом вышли на террасу, продолжая разговор о том падении прозы и поэзии, что совершалось в то время в русской литературе, незаметно спустились во двор гостиницы, потом на набережную, ушли на мол, — было уже поздно, нигде не было ни души, — сели на какие-то канаты, дыша их дегтярным запахом и той какой-то совсем особой свежестью, что присуща только

черноморской воде, и говорили, говорили все горячее и радостнее уже о том чудесном, что вспоминалось нам из Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Майкова...

Тут он взволнованно, медленно стал читать то стихотворение Майкова, на которое он, может быть, уже написал тогда или только мечтал написать музыку:



*Я в гроте ждал тебя  
в урочный час.  
Но день померк: главой  
качая сонной,  
Заснули тополи, умолкли  
гальционы:  
Напрасно!.. Месяц встал,  
сребрился и угас;  
Редела ночь; любовница Кефала,  
Облокотясь на рдяные врата  
Младого дня, из кос своих роняла  
Златые зерна перлов и опала  
На синие долины и леса <...><sup>1</sup>.*

Встреча двух русских гениев произошла в 1900 году, когда Рахманинов уехал в Ялту, где поселился на даче княжны Александры Андреевны Ливен. Она была председателем Дамского благотворительного тюремного комитета, она же председательствовала в Обществе поощрения трудолюбия, в благотворительном обществе «Московский муравейник». Во всех этих обществах активно сотрудничала и Варвара Аркадьевна Сатина — родная сестра отца Рахманинова, которая и познакомила того с А.А. Ливен, она приняла самое живое участие в судьбе «начинающего свободного художника».

Ливен познакомила Рахманинова с Л.Н. Толстым и, зная, что весной 1900 года в Крыму соберется практически весь цвет российской культуры, пригласила его отдохнуть на ее даче в Ялте. Здесь Рахманинов общался с А.П. Чеховым, К.С. Станиславским, А.И. Куприным, К.М. Станюковичем,

Д.Н. Маминым-Сибиряком, М. Горьким, В.С. Калинниковым. В мае 1900 года в Ялте Сергей Васильевич Рахманинов познакомился с Иваном Алексеевичем Буниным — в то время уже известным литератором, автором поэтических сборников, повестей и рассказов.

«При моей первой встрече с ним в Ялте произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве. Впоследствии, до его последнего отъезда в Америку, встречались мы с ним от времени до времени очень дружески, но все же не так, как в ту встречу, когда, проговорив чуть не всю ночь на берегу моря, он обнял меня и сказал: “Будем друзьями навсегда!” Уж очень различны были наши жизненные пути, судьба все разъединяла нас, встречи наши были всегда случайными, чаще всего недолги, и была, мне кажется, вообще большая сдержанность в характере моего высокого друга»<sup>2</sup>.

Ночные прогулки по берегу моря, встречи в гостининой чеховской Белой дачи, споры о будущем русского искусства — все это Ялта. Потом они расстались, но уже не теряли связи друг с другом. Отсюда Рахманинов уехал в Италию, Бунин — в Москву. Позднее они встречаются у общих знакомых, навещают друг друга, переписываются.

Они интересуются творчеством друг друга. Рахманинов знакомит

Бунина со своими новыми произведениями, Бунин посылает Рахманинову свои новые книги. Из письма С.В. Рахманинова И.А. Бунину 17 ноября 1901 года: «От души желаю Вам успеха на сегодня и счастливого пути на завтра. <...> Благодарю за присланные стихотворения и за надпись. Я немного успел прочесть, но то, что прочел, было очень хорошо, и мне очень нравилось».

В этом письме речь идет о только что вышедшем поэтическом сборнике Бунина «Листопад», который он прислал Рахманинову. Это — один из лучших поэтических сборников Бунина, за который он был удостоен Пушкинской премии.

Осенью 1904 года Бунин и Рахманинов встречаются на вечерах в доме писателя Николая Дмитриевича Телешова, который организовал литературный кружок. Телешовские «кружковцы» собирались в гостеприимном доме по средам, среди них бывали В.В. Вересаев, А.С. Серафимович, М. Горький, Ф.И. Шаляпин, И.А. Бунин, С.В. Рахманинов.

В 1906 году Рахманинов из Ивановки писал своему другу А.М. Керзину, который прислал ему тетрадь стихов для романсов, в которой было несколько стихотворений и Ивана Бунина.

3 сентября Рахманинов пишет романс «Ночь печальна» на слова Бунина. Этот романс стал шедевром музыки С.В. Рахманинова.

И буквально на следующий день, 4 сентября, Рахманинов вновь обращается к поэзии Бунина и пишет романс «Я опять одинок».

*Как светла, как нарядна весна!  
Погляди мне в глаза, как бывало,  
И скажи: отчего ты грустна?  
Отчего ты так ласкова  
стала? <...>*

*О, молчи! Мне не надо признанья:  
Я узнал эту ласку прощанья, —  
Я опять одинок!*

Впервые эти романсы прозвучали в концерте «Кружка» Керзиных 12 февраля 1907 года в Москве, в Большом зале Российского благородного собрания. Первыми исполнителями «бунинских» романсов стали Александр Васильевич Богданович («Ночь печальна»), Анна Петровна Киселевская («Я опять одинок»).

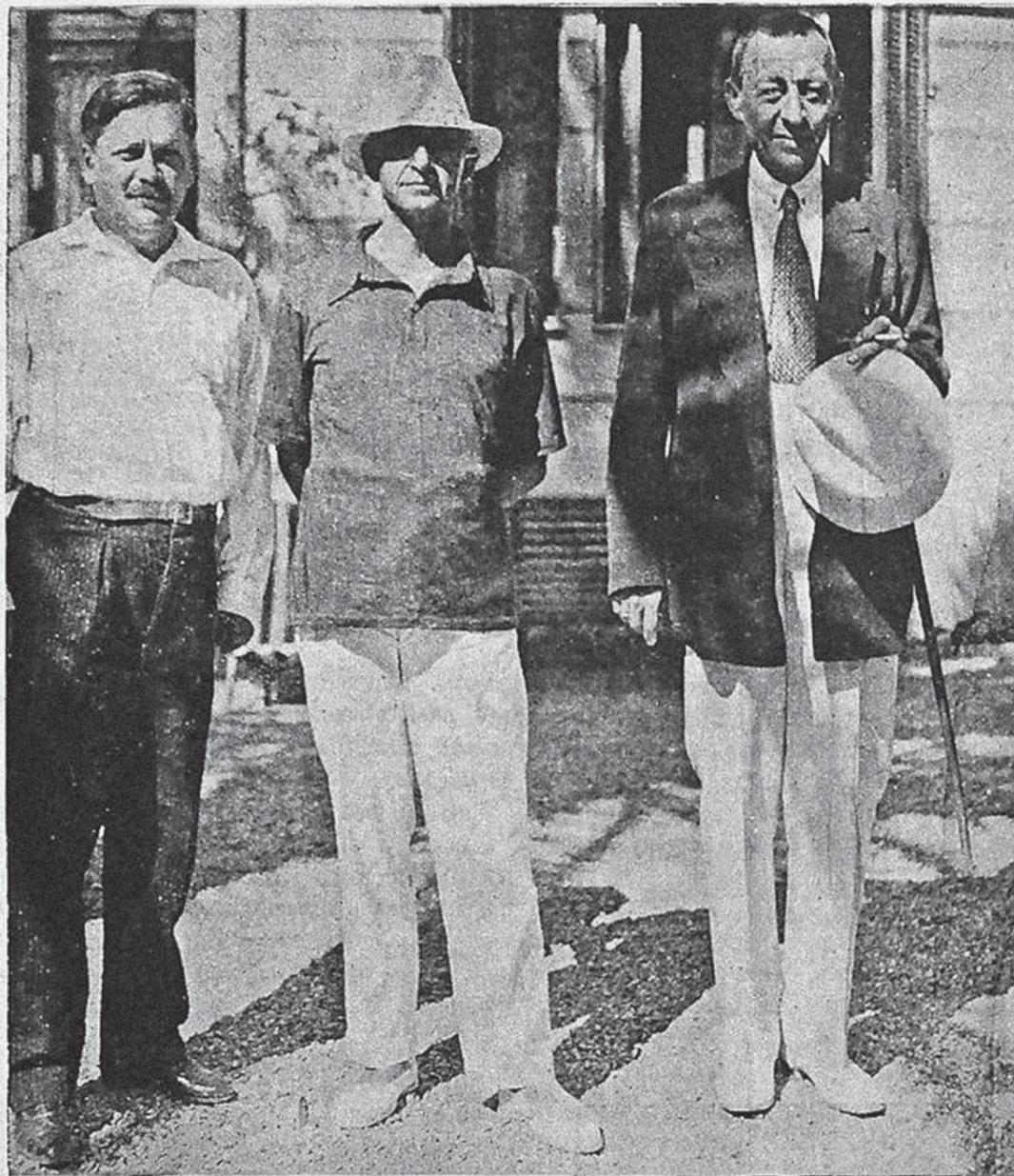
В журнале «Вестник Европы» № 4 за 1912 год опубликована повесть И.А. Бунина «Суходол», написанная им в 1911 году. Когда Рахманинов прочел эту повесть, то он был под таким впечатлением, что послал Бунину телеграмму: «Примите душевный привет от печального суходольного музыканта». Называя себя «печальным суходольным музыкантом», Рахманинов хотел подчеркнуть созвучность своего душевного состояния настроению повести, проникнутой грустными воспоминаниями о былом, о жизни глухой, сумрачной.

В начале 1915 года вышла в свет книга Бунина «Чаша жизни». Один экземпляр ее автор послал Рахманинову, который откликнулся письмом: «<...> я Вас неизменно люблю и вспоминаю часто наши давнишние с Вами встречи. Грустно, что они теперь не

<sup>1</sup> Воспоминания о Рахманинове: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 25.

<sup>2</sup> Там же. С. 25.

# На Ривьеръ



ВЪ ГОСТЯХЪ У И. А. БУНИНА.  
Слѣва направо: М. А. Алдановъ, И. А. Бунинъ и С. В. Рахманиновъ.

повторяются. Очень благодарю Вас за присылку Вашей последней книги. Был тронут».

Шла Первая мировая война. Сквозь фронты Первой мировой войны Россия катилась к 1917 году, рас-

коловшему ее, свергнувшему в кровавую мясорубку Гражданской войны. Лавина безумного насилия обрушилась на Русь. Разделение россиян на «белых» и «красных» было страшно и непонятно. И как среди этих «вихрей

враждебных» можно было найти правых и неправых?

В очень сложное положение попала русская интеллигенция. Где ее место? С народом? А где и с кем народ? Среди тех, кто смело идет в бой за власть Советов? Или среди «защитников престола и Отечества»?

Первым не выдержал Рахманинов. 15 декабря 1917 года газета «День» сообщила своим читателям: «С.В. Рахманинов на днях отправляется в концертное турне по Норвегии, Швеции. Турне продлится более двух месяцев». Увы, те «два месяца» длились двадцать шесть лет. 20 декабря 1917 года Рахманинов получил разрешение на выезд и 23 декабря вместе со всей своей семьей отправился в Стокгольм.

Зиму 1917—18 года Бунин жил в Москве, в квартире своей жены В.Н. Муромцевой. Он пережил обстрелы дома, дежурил в подъезде, был свидетелем многочисленных погромов. Этого его душа вытерпеть не смогла, и он уехал сначала в Киев. А потом в январе 1920 года Бунин попал на Балканы, оттуда перебрался во Францию. Живя за границей, два русских художника поддерживают связь друг с другом. Концертные фирмы ведут жесточайшую борьбу за право организации гастролей Рахманинова. Он выступает в лучших залах Европы и Америки, принимает участие в престижных музыкальных фестивалях. Его принимают короли и президенты. Результат этого титанического труда — материальное благополучие,

позволяющее быть независимым. Но Рахманинов — человек, умеющий жить чужой болью, умеющий сострадать. В Россию, во все концы света Рахманинов шлет посылки с продовольствием, денежные переводы.

Бунин с женой скромно живут во Франции, испытывают материальные затруднения. 17 июня 1924 года Бунин писал Рахманинову из Грасса: «Дорогой друг, — позвольте назвать Вас так по старой памяти и в силу лучших чувств, неизменно мною к Вам питаемых, — обращаюсь к Вам со странной просьбой, которую я надеюсь, Вы поймете и простите по безвыходности моего уже давнишнего эмигранства: нет ли у Вас какой-либо возможности подействовать на кого-либо из богатых американцев помочь мне? Как многие, я лишен всякого достояния. Заработки ничтожны. Известность я завоевал в лучших кругах Европы порядочную (настолько, что я нахожусь в числе кандидатов на Нобелевскую премию), но иностранцы, переводя и издавая меня, или ничего не платят (пользуясь нашим бесправием), или платят гроши <...>. Вы поймете меня и без слов: нищета. С радостью слышу о Ваших успехах. Дай Бог Вам всего лучшего, сердечно Ваш *Ив. Бунин*»<sup>3</sup>.

Это было горькое признание: величайший гордый литератор двадцатого столетия нищенствовал. Рахманинов немедленно откликнулся денежным переводом и письмом из Мюнхена 9 августа 1924 года: «Ужасно

<sup>3</sup> Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. Т. 2. Frankfurt am Main, 1977. С. 451.

хотел бы Вас повидать <...>. Он надеялся быть в Париже, но из-за свадьбы дочери задержался в Германии. Из письма И.А. Бунина С.В. Рахманинову (Грассе, 12 августа 1924 года): «Я смущен и мне больно ужасно. Благодарю Вас за Вашу сердечность чрезвычайно. При первой же возможности возвращу Вам с низким поклоном. Горячо жалею, что не увижу Вас. Дай Вам Бог всего лучшего, дружески обнимаю Вас».

Русская эмиграция сумела создать на чужбине свой особый мир, который стал все больше и больше влиять на культурную жизнь Запада. 1 марта 1926 года Рахманинов писал Бунину из Нью-Йорка: «Во вчерашнем, воскресном “New York Times” помещена была статья об “Митина любовь” и Ваш портрет... Статья хорошая, хвалебная... А портрет скверный. И то и другое прилагаю. Может, Вам интересно!»

Весна 1926 года была трудной для Бунина. Как-то разом навалились болезни, которые надолго приковали его к постели. 29 марта из Парижа он писал Рахманинову: «От всей души благодарю Вас, дорогой друг, за память. Шлю Вам привет и прошу прощения за краткость — пишу в постели, был тяжело болен уже с месяц. <...> Теперь мне лучше <...>. С большой любовью обнимаю Вас; да сохранит Вас Бог!» Рахманинов пишет ему 9 апреля 1926 года из Нью-Йорка: «Как мне жалко, право, что Вы больны <...>. Из всех русских людей больше всего хоте-

лось увидеть Вас! Отвести душу! И еще, у меня было желание “показать” Вас моим дочерям, живущим в Париже. Они у меня очаровательные <...>. Свет в окошке!»<sup>4</sup>.

Их встреча наконец состоялась во Франции, где в сентябре 1926 года Рахманинов и Бунин впервые встретились после отъезда из России. Оба были на «переломе судеб», и подобные встречи, общение были для них просто необходимы. Из дневника жены Бунина — Веры Николаевны:

«12 сентября. <...> В шестом часу приехал Рахманинов. Посидел около часу. Он с семьей в Канн. Большая вилла, своя машина, на которой они приехали из Германии. Он очень мне понравился. Он очень прост и приятен <...>.

18 сентября. <...> Были у нас все Рахманиновы. Очень приятна и мила его жена. Женственна, проста и добра.

23 сентября. <...> Во вторник у Рахманиновых и от всей семьи осталось необыкновенное приятное и легкое впечатление. Дочери очаровательные <...>».

Это было началом их «дружбы домами». Старшую дочь Рахманинова — Ирину — Бунин называл не иначе как «моя белоснежная муза». Младшую дочь — Татьяну — Бунины часто навещали в ее парижской квартире. Татьяна Сергеевна Рахманинова (в замужестве Конюс) писала в своих воспоминаниях: «С.В. Рахманинов очень любил Ивана Алексеевича. Любил его

стихотворения, рассказы, говорил, что Иван Алексеевич все по-особенному слышит, рассказывал даже, как он поправил какое-то слово, когда отец читал, и научил его, как его произносить нужно, — о внутренней музыкальности стихов говорил, и о том, как Иван Алексеевич читал вслух... Не было большего удовольствия для отца, как подарить ему хорошую книгу. А Ивана Алексеевича он читал часто».

«Осенние встречи» близились к концу. 16 октября 1926 года Бунин запишет в своем дневнике: «Вчера Рахманинов прислал за нами свой удивительный автомобиль, мы обедали у него <...>».

Новый концертный сезон поглотил Рахманинова, а Бунин остался жить по-прежнему на вилле «Бельведер», близ Грассы. В январе 1927 года тяжело заболела жена Бунина — Вера Николаевна. Бунин писал из Парижа Рахманинову: «Дорогие друзья, с прошедшими праздниками! Простите, что так поздно поздравляю. Очень тяжело жили и продолжаем жить. Вера Ник[олаевна] все хворала. 18-го ей сделали операцию <...>. Теперь она лежит в больнице <...>».

Рахманинов с присущим ему величайшим чувством такта спешит помочь Буниным. Он пишет из Нью-Йорка 16 февраля 1927 года: «<...> За Вашу книжку и письмо — большое спасибо! Надеюсь, что Вера Николаевна чувствует себя теперь лучше. Через здешний литературный фонд послал Вам небольшую сумму денег. Думаю, что

деньги эти будут не лишними: у Вас так много неожиданных расходов...» 6 марта Бунин отвечает Рахманинову: «Дорогие друзья, чрезвычайно благодарю Вас (и сгораю со стыда — пожалуйста, не делайте этого больше). Простите, что не ответил раньше, ибо я теперь “за всех” — и пеку, и варю, и подаю, и принимаю, и кормлю Веру, — парализованная рука ее еще не действует, несмотря на месячное лечение электричеством. Сердечно обнимаю <...>».

Летом 1930 года в Грассе продолжилось общение близких друзей. Из «Грасского дневника» Галины Кузнецовой: «3 августа (1930. — О.М.). Возвращаясь вечером с купанья, заметили внизу нашей горы чей-то великолепный черно-синий автомобиль. Иван Алексеевич пошутил, что это должно быть какой-нибудь американский издатель, приехавший к нему, а когда мы вошли в калитку дачи, навстречу к нам с кресла под пальмой поднялась высокая мужская фигура, а за ней что-то голубое. И.А. ждал Рахманинова с дочерью (Таней) <...>. У Тани оказался с собой американский аппарат, маленький синема, который она наводила поочередно на всех нас <...>. Р. <...> все настаивал на том, что И.А. должен непременно написать книгу о Чехове <...>»<sup>5</sup>.

Рахманинов и Бунин покинули Россию, когда их творческий облик вполне сложился. Они, одни из очень немногих эмигрантов, которые сумели и на чужбине сохранить свой

<sup>4</sup> Там же. С. 187.

<sup>5</sup> Кузнецова Г.Н. Грасский дневник: Трагедия любви: Он, Она и... Она. М., 2001. С. 182.

талант. Композитор и писатель в своем творчестве постоянно обращались к России как к неиссякаемому источнику подлинного вдохновения. Однако щемящая грусть, неизбывная боль о потерянном родном доме постоянно преследовала обоих. В 30-е годы, когда Бунин работал над романом «Жизнь Арсеньева», Рахманиновым была создана Третья симфония.

1933 год — год торжеств в жизни Рахманинова и Бунина. Весь мир поздравлял Рахманинова с 60-летием со дня рождения. 5 мая 1933 года Бунин пишет Рахманинову: «Дорогой Сергей Васильевич, простите, не хотел писать в пространство, куда-то вдаль, теперь же, когда Вы близко, ощутимо, от всей души приветствую Вас, целую и желаю еще многих лет сил, здоровья, благополучия и всяческих возможностей продолжать свое славное поприще, гордость русскую и всемирную, Ваш Иван Бунин».

Близость, о которой пишет Бунин, — приезд С.В. Рахманинова во Францию, где 5 мая 1933 года Париж чествовал великого музыканта. Бунин присутствовал на торжественном приеме по случаю 60-летия Рахманинова.

Ноябрь 1933 года. Телеграф принес в Нью-Йорк известие из Стокгольма: «Решением Шведской академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена Ивану Бунину за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типичный русский характер».

Сам Бунин считал, что Нобелевская премия присуждена ему прежде всего за роман «Жизнь Арсеньева». 10 декабря 1933 года, в годовщину смерти А. Нобеля, шведский король Густав V вручил Бунину в стенах Шведской академии Золотую медаль. 10 ноября Рахманинов поздравил телеграммой из Нью-Йорка: «Искренние поздравления от господина из Нью-Йорка». Они встречаются каждое лето во Франции.

31 марта 1937 года он давал в парижской квартире торжественный обед, на котором присутствовали: супруги Бунины, Шаляпин, Зерновы и другие друзья. Владимир Зернов вспоминал об этом вечере: «Я встретил Бунина на обеде у Рахманинова. Сергей Васильевич слушает внимательно и словно немного снисходительно, как Бунин рассказывает про своей древний род, про свою поездку в Стокгольм, и кажется мне, что Бунину нужны и его древний род и торжество его признания. Рахманинов слушает его как царь, владеющий безграничным царством, для которого вся эта слава — только “суета и томление духа”».

Летом 1937 года, когда Бунины были в Швейцарии, они побывали на вилле Рахманиновых «Сенар», о чем Бунин сказал в интервью: «Видел С.В. Мы были у него, в чудесной усадьбе, на берегу Люцернского озера, и провели там чудесный вечер. К сожалению, на другой день мы должны были уехать...»<sup>6</sup>.

В этой фразе кроется загадка. Бунин и Рахманинов больше никогда не встречались. И объясняется это не только тем, что вскоре началась Вторая Мировая война и Рахманинов навсегда покинул Европу. Некоторые факты свидетельствуют, что между ними явно произошла ссора. На эту мысль наводит запись из дневника секретаря Бунина А.В. Бахраха: «И.А. не может простить ему необдуманной фразы: “Ты бы, Иван, занялся теперь на старости лет биографией Чехова!” На что И.А. ответил: “А ты бы, Сережа, посвятил свои последние годы жизнеописанию Танеева!” Он ощущает и сейчас какую-то горечь, повествуя об этом инциденте»<sup>7</sup>.

Но жизнь в Европе становилась все тревожнее. Гитлер «предложил» свой вариант «обустройства» Европы. 11 августа 1939 года Рахманинов дал свой последний концерт в Европе, в Люцерне, куда был перенесен музыкальный фестиваль из Зальцбурга. 23 августа 1939 года из французского порта Шербург отправился в Нью-Йорк пароход «Аквитания», на борту которого находился господин, пожелавший ехать инкогнито. Это был С.В. Рахманинов. Через неделю началась война.

В оккупированной Франции Бунин несколько раз встречается с младшей дочерью Рахманинова — Татьяной Сергеевной.

В 1943 году Рахманинов чувствовал себя все хуже, у него обнаружили рак. 28 марта 1943 года он скон-



чался. Похоронен на Лонг-Айленде в Нью-Йорке.

Узнав о смерти С.В. Рахманинова, Бунин заплакал, а потом несколько дней ни с кем не разговаривал. Он даже не мог послать семье Рахманинова телеграмму соболезнования — почта не работала... Бунин пережил друга на десять лет. Он скончался 8 ноября 1953 года во Франции.

В 1950 году в Париже вышла книга «Воспоминания» И.А. Бунина. Одна из ее глав посвящена С.В. Рахманинову. Самое страшное, что может быть в человеческой судьбе, — это смерть на чужбине, это быть похороненным в чужой земле. Они оба эту истину горькую познали сполна. Один из них лежит на кладбище Кенсико, близ Нью-Йорка, на православном кресте выбито: «Сергей Рахманинов». Другой нашел свой вечный покой на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, что под Парижем. У изголовья — крест, на котором высечено: «Иван Бунин». Никакие другие подробности не нужны. Они оба вполне состоялись в этом мире.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Публицистика 1918—1953 годов. М., 1998. С. 425.

<sup>7</sup> Лавров В.В. Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции (1920—1953). М., 1989. С. 288-289.